

*Величко А.М.,
доктор юридических наук*

Свобода человека и Церковь

«Что вы зовете Меня: «Господи! Господи!» - и не делаете того, что Я говорю? Сын Человеческий пришел не губить души, а спасать» (Лк.6:46; 9:56).

«Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном» (Кол.3:1-3)

«Порочные обыкновенно ненавидят в других благо добродетели, которого сами не желают иметь»

святитель Григорий Великий¹.

I.

Человек рожден для Царствия Небесного, и вся его жизнь должна стать дорогой к Богу, равно как и дела – способом уподобления Спасителю. «Подражайте мне, как я Христу», говорит апостол Павел (1 Кор.5:16). И апостол Петр повторяет наказ Господа: «Будьте святые, потому что Я свят» (1 Петр. 1:16). Бог желает от нас *свободного* приобщения к Себе, и, стало быть, человек не только *рождается* свободным, но и должен *оставаться* свободным на протяжении всего своего жизненного пути. «Бог дал свободу человеку, которого создал по образу Своему, чтобы тот властвовал над желанием, как и Бог, имеющий это по самой Своей природе»².

Высочайшее предназначение каждого из нас наглядно раскрываются в словах апостола Петра, когда он говорит человеку: «Дом духовный», «священство святое», «род избранный», «царственное священство», «народ святой», «народ Божий» (1 Петр.2:5,9,10). Кто может быть выше этого?! Только Бог, Который зовет нас к Себе. И возглас на Литургии: «Святая – святым!» также не оставляет сомнений в том, *кто* есть по своему предназначению человек.

Свобода человека в принятии на себя «рабства» Богу или в отвержении Творца во имя собственного «я» настолько *абсолютна*, что Господь допускает *любые* наши заблуждения и ошибки, всякий грех, за исключением хулы на Духа Святого (Мф.12:32). «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор.11:19)», - говорит вслед Спасителю апостол Павел. Пусть в человеке будет и прекословие, лишь бы затем наступило *покаяние*, и любовь победила гордыню собственного тщеславия.

¹Святитель Григорий Двоеслов. Диалоги. Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души. М., 2012. С.131.

²Преподобный Ефрем Сирий. Толкование на Четвероевангелие. М., 2017. С.134.

Сын, исполняющий волю Отца, не тот, кто сказал, что пойдет работать в виноградник, и не пошел. А другой, который вначале отказался, а затем, *раскаявшись*, пошел (Мф.21:28-31).

Тяжел и невероятно сложен для человека путь преодоления греха и собственной гордыни. Но на нем нашим страстям, ошибкам и соблазнам противостоит *Церковь*, «дом Божий», «столп и утверждение истины» (1 Тим.3:15), залог нашего спасения. Ведь «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, чтобы представить ее Себе славную Церковью, не имеющую пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5:26, 27).

Есть, однако, одно неперемutable условие: человек должен *свободно* прийти в Церковь для спасения души и по любви к Богу, а не в поисках какой-либо выгоды. Любой иной мотив не имеет ценности, губителен для духовного состояния человека. Поэтому апостол Петр и сказал бывшему волхву Симону, который хотел *купить* дар чудотворения: «Серебро твое да будет в погиль с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги, сердце твое неправо перед Богом» (Деян.8:19-21).

Из сказанного следуют два важных вывода. Первый: человек не должен иметь *внешних* стеснений для вхождения в Церковь, которая несет слово Евангелия всем и каждому. И второй: Церковь *внутри себя* обязана оберегать свободу человека, не допуская ее подавления или уничтожения.

Относительно первого условия едва ли нужно распространяться особо. Хотя Церковь и в условиях жесточайших гонений способна хранить Христову истину, а кровь мучеников лишь укрепляет ее, но, очевидно, что это в иные эпохи *привычное* для нее состояние не позволяет вести нормальную, систематическую и полнокровную миссионерскую деятельность среди всех племен и народов. А ведь, по словам Христа, Евангелие *должно быть* проповедано по всей Вселенной, во свидетельство всем народам (Мк.13:10). Эти слова – не только пророчество о последних днях, но и *наказ* Спасителя Своей Церкви, что ей надлежит делать.

Церковь по самой своей природе чужда насилию. Для нее одинаково неприемлем *запрет* на проповедь Евангелия и *принуждение* в делах веры. Как справедливо утверждал еще император *св. Константин Великий* (306-330), вынужденные насилием обращения в христианскую веру малоценны и непрочны³. И сколь актуально даже для наших дней звучат слова Миланского эдикта 313 г.: «Не следует стеснять свободу богочитания, но, напротив, надо предоставлять уму и воле каждого заниматься Божественными предметами по собственному выбору»⁴.

В этой связи Церковь обязана сделать все зависящее от себя, чтобы свобода совести была *гарантирована* в государстве наиболее полно и повсеместно. Это обстоятельство предопределяет *активную социальную*

³Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. СПб., 2006. С. 239, 240.

⁴Евсевий Памфил. Церковная история. Книга 10, глава 5. М., 2001. С. 450, 451.

позицию Церкви, обуславливает необходимость заниматься политической деятельностью и законотворчеством в предоставленных ей государственным законом формах, обеспечивать правовые и политические гарантии своим чадам.

Однако остается второй, не менее важный вопрос – о свободе человека *в Церкви*.

II.

Освобождение от греха – не минутная задача. «Царствие Небесное нудится» (Мф.11:12), и дорога человека к Христу имеет длиною всю его жизнь. Да, человек рождается свободным, но все же *не святым*. Им он должен *стать* после долгой и тяжелой борьбы за себя, когда, все более и более уподобляясь Спасителю, формируется как *личность*, очищая свою душу в горниле страстей и соблазнов.

Но чтобы обожиться и войти в Царствие Небесное, каждый должен *понимать*, к Кому и для чего он идет, сознательно и добровольно отказываясь в удовлетворении собственных греховных замыслов. И, кроме того, иметь возможность *свободно* принять истину, которую ему открывает Церковь. Говорящее животное, действующее неосознанно, под влиянием случайных обстоятельства или под принуждением, личностью, конечно, не является. Поэтому, перед Церковью стоит задача духовного воспитания и просвещения человека.

Истина *дана* Церкви, открывается ей действием Святого Духа. Только и исключительно Церковь, как *совокупность всех верующих христиан*, собранных Христом, хранит истинное вероучение и предание. Она – высший авторитет в делах веры и благочестия и, ведомая Святым Духом, *предлагает истину* каждому страждущему сердцу, а не создает ее в ходе дебатов. Потому, кто не слушается Церкви, тот становится как язычник и мытарь (Мф. 18:17), иначе говоря, к ней не принадлежит. И апостол настоятельно просит, чтобы среди христиан не было разделения и все говорил одно (1 Кор.1:10). Потому что, когда между братьями есть споры, ссоры и разногласия, то они поступают не как сыны Бога, а как «плотские» (1 Кор.3:3,4).

Разумеется, невозможно заранее держать в себе ответы на все вопросы, но Церковь и не претендует на полное знание «обо всем», зато хранит абсолютную истину в делах веры в том объеме, который нужен человеку для познания Бога и личного спасения. Издавна действует старый мудрый принцип: то, что Церковь *уже* открыто прорекла, более сомнению и обсуждению не подлежит (догматы веры). Все остальные вопросы, актуальные в той или иной степени в какое-то время и среди определенной группы христиан, могут и даже должны разьясняться.

Вступая в Церковь, христианин должен познавать истину и верить *Богу*, а не другому человеку. Подчинение себя Церкви, доверие к ней, сама церковная жизнь возможны лишь в том случае, когда каждый христианин ощущает себя ее неотъемлемой частью, «частицей Вселенной». Очевидно, что

жизнедеятельность Церкви должна быть организована таким образом, чтобы эти условия стали повседневной реальностью, а строй Церкви никоим образом не допускал умаления личности христианина *изнутри* высшего духовного союза.

Проблема, однако, отягощается несколькими обстоятельствами – как объективными, так и субъективными. Хотя Церковь Воинствующая сакрально, невидимо, таинственно связана с Церковью Победившей, она должна *встраиваться* в земное общество, быть для него «своим», принимать привычные человеческому глазу формы и черты. «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор.9:22). Не забывая, конечно, при этом о своей главной задаче. А, следовательно, ее внутреннее устройство, традиции, правила и сама жизнь испытывают на себе широкомасштабное, постоянное и нередко негативное воздействие извне. Что может иметь весьма опасные последствия, поскольку «худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор.15:33).

Кроме того, Церковь Земная, пребывающая «здесь и сейчас», не есть Царствие Небесное, которое мы ждем и просим в молитве («да придет Царствие Твое»). Она состоит из людей, отягощенных первородным грехом своих родителей и несущих в себе самих семена собственного растрения. Как следствие, человеческое восприятие Церкви очень часто далеко от того, чем она в действительности является - люди обычно переносят на нее *свои* мысли о том, *какой* она должна быть.

Поэтому, «их» Церковь несет на себе следы всех *земных союзов*: семьи, нации, корпорации и т.д. Они хотя промыслительно и предуготовлены Бога для нас, но, все же, являются союзами *земными*, а не духовными, созданы не для спасения души, а для организации социальной жизни человека. И век их завершится одномоментно с окончанием нашего мира. Не случайно, отвечая на вопрос саддукеев о том, чьей женой будет женщина, поочередно выходящая замуж за каждого из семи братьев, Христос ответил: «Когда из мертвых воскреснут, не женятся, и замуж не выходят, но пребывают, как Ангелы на небесах» (Мк.12:18-25).

Кто-то воспринимает Церковь как «свою» семью и тогда *непотизм* (распределение церковных должностей по родственному признаку, а не по готовности к священнослужению) принимает повсеместные черты. Могут присутствовать и иные практики, навеянные теми же мотивами. Например, как известно, в Александрийской церкви довольно долгое время существовала традиция передавать патриарший престол *по наследству*. Практически, это была *семейная теократия*, где главенствующим признаком являлось единство рода и настрой мысли⁵. Но ведь Христос сказал, что Мать Его и братья Его – те, кто исполняет волю Отца Небесного, а не кровнородственные лица (Мф.13:49, 50).

⁵Л” Юилье Петр, архиепископ. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 99.

В других случаях Церковь воспринимается как своеобразная *форма существования нации*, что случается довольно часто. Первые национальные Церкви, стремящиеся к обособлению по этническому признаку, с которым связывались и собственные вероучения, возникли уже в V столетии: Несторианская (Сирийская) и Монофизитская (Коптская). Впоследствии к ним присоединились Греческая (Константинопольская и сродные с ней), Болгарская, Сербская, Русская, Элладская, Грузинская и другие Поместные церкви, при этом, вероисповедальные различия между ними если и случались, то не играли уже существенного значения.

Хотя национальные христианские общины, как правило, поддерживают между собой Евхаристическое общение, но не склонны допускать другую Поместную церковь в свою жизнь. Более того, как показывает история, они готовы по малейшему поводу прервать братские связи. Примеров тому, к сожалению, более чем достаточно. Не сложно заметить, что в полном противоречии с Новым Заветом (Гал.3:28; Кол.3:11) здесь есть «иудей», «эллин», «язычник», «варвар» и «скиф», но *нет Христа*. И вывод современного богослова безусловно верен: «Ничто так не повредило христианству и Церкви, как слияние христианства с национализмом, как выведение Церкви из «природного» или, напротив, сведение ее к «природному»»⁶.

В других случаях Церковь начинает напоминать *«торговое товарищество»*, где преобладает не любовь, а материальные интересы, выгода, симония (продажа церковных должностей). Наконец, Церковь может превратиться в *государство*, где довлеют власть, принуждение, неравенство, страх наказания, а иерархия принимает самодостаточные черты – об этом мы скажем ниже.

Было бы неверным говорить, что все эти типы человеческого восприятия Церкви встречаются в действительности в «чистом» виде. Обычно, как показывает практика, человеческое сознание способно наделять Церковь всеми признаками сразу и понемногу, и вопрос заключается не в том, присутствуют ли, например, в «Церкви-государстве» признаки «торговой империи», или нет, а какой признак имеет *преобладающее* значение перед остальными.

Едва ли нужно говорить, что, в частности, в Римо-католической церкви национальный элемент развит слабо (в основном, он характерен для Южноамериканских общин), но зато весьма заметен элемент государственности и торговой корпорации. Практически все современные Поместные церкви, принадлежащие ортодоксальному вероисповеданию, «намертво» стоят на своих национальных интересах и национальной исключительности. Русская церковь в современную эпоху, впрочем, как и в период с XIV по XVII века, по-прежнему примиряет на себя одеяния «государственности» ничуть не в меньшей степени, чем Римо-католическая

⁶Шмеман Александр, протопресвитер. Дневники. 1973-1983 гг. Понедельник, 14 марта 1977 г. М., 2007. С.346.

церковь. Хотя, объективно говоря, признаки nepoтизма и «корпоративности» присуци ей хотя и в меньшей степени, но зато не менее болезненны и глубоки.

III.

Разумеется, эти опасные многовековые тенденции не являются тайной для Церкви. Но нередко преодоление их сводится к тому, что в сознании самопровозглашенных борцов с ересями, nepoтизмом, симонией и национализмом Церковь усекается до группы «избранных», которые и принимают на себя решение этой задачи под девизом сохранения целостности и чистоты Церкви.

Широк круг этих «добровольцев»: «избранными» могут смело считаться наши раскольники, отвергшие 400 лет назад «официальную» Русскую церковь, пензенские «катакомбники», зарывшиеся в землю, чтобы оградить себя от соблазнов внешнего мира, всевозможные сектанты, под видом защиты «истинной Церкви» создающие свои оккультные общины, и т.п. Но справедливости ради скажем, что самым распространенным способом является *папизм*, в сознании носителей которого Церковь *уподобляется государству* по своей структуре и образу действий.

Нам говорят: есть «божественный» институт, который специально создан для управления Церковью, и есть... «остальные». В результате все христиане делятся на две неравных группы – большинство, не допускаемое для обсуждения церковной жизни, не признаваемое способным к познанию Бога, должное лишь *пассивно исполнять* волю иерархии. И священноначалие, епископат, имеющих все полноту власти и свободы в Церкви, потому что только и именно они - преемники Апостолов, которым Христос велел повиноваться всем людям и будущим христианам⁷.

Этот подход кажется тем более естественным, что любое человеческое общество, в том числе и церковное, *иерархично* по своей структуре, и это предполагает наличие *властного*, обязывающего элемента в человеческих отношениях. Кроме того, войдя в мир с первых минут своего рождения, Церковь Христова и в самом деле вольно или невольно *копировала* государственное устройство. И не только потому, что государство – *высший* из всех человеческих «земных» союзов, где вместо семейно-родственных и национальных оснований предлагаются ценности высшего порядка – «общее благо», законность, власть, стоящая *над* частными интересами. Но и в известной степени потому также, что с практической точки зрения государственное управление наиболее оптимальным.

Наконец, нельзя забывать и того, что Церковь с первых дней своего существования повторяла то, что ей открывалось в политической сфере: административно-территориальное устройство (патриархия, митрополия, епархия, приход), «сенатское» (соборное) разрешение занимающих ее

⁷Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. В 2 т. Т.2. Казань, 1913. С.28, 29.

вопросов, каноническое право, выросшее из римского государственного закона, титулатуру и само одеяние священноначалия, списанное с царского, и т.д. Множество церковных канонов имеют своим источником правила, существовавшие в Римском государстве. Так, например, институт самостоятельного имущественного положения церковных приходов обязан своему появлению императору *св. Юстиниану Великому* (527-565), при котором за приходами признали права юридического лица, хотя и производного от епископской власти⁸.

Римское право оказало решающее влияние и на процессуальные институты, в первую очередь, положенные в основу деятельности Вселенских и иных Соборов⁹. Во многих случаях Церковь использовала римский правовой аналог для того, чтобы создать собственный канон. Предусматривая *разные виды наказаний* для клириков и мирян за совершение одних и тех же правонарушений, Церковь также руководствовалась древним принципом римского права, согласно которому нельзя наказывать правонарушителя за одно и то же преступление *дважды*¹⁰.

Однако любое уподобление имеет свои естественные границы, и Церковь вовсе не должна *становиться* политическим союзом, чтобы успешно решать свои задачи. И дело даже заключается не в том, что государственная практика не нуждается в Евхаристии, без которой, как раз, невозможна церковная жизнь. А в ясном указании Спасителя на то, что Царство Его *не от мира сего* (Ин.18:36). Можно сколь угодно многое заимствовать из государственной жизни, но дух братской любви, мало востребованный государством, не должен исчезать в Церкви, «где вера одних доставляет утешение другим»¹¹.

Уже ученикам и современникам Христа казалось невероятным, что *все* этические принципы и конкретные правила Нового Завета противоречат нормам общественной морали и государственного быта того времени (да и нынешнего тоже). Светское сознание еще может согласиться с тем, что изгнанные за правду получают некое вознаграждение (Мф.5:10), но предположить, что блаженны - нищие духом, плачущие, кроткие (Мк.6:20-22)?! Что «любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк.6:27, 28)? Это уж слишком...

Но, ведь, это только *начало* христианской этики, и Христос продолжает, глядя каждому из нас в глаза: «Так будут последние первыми, а первые

⁸ *Михаил (Семенов), иеромонах.* Законодательство Римо-византийских императоров о внешних правах и преимуществах Церкви (от 313 до 565 года). Казань, 1901. С.35-37, 40-42.

⁹ *Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истрийский.* Православное церковное право. СПб., 1897. С.479.

¹⁰ *Прокошев П.* Церковное судопроизводство в период Вселенских соборов (*accusation*) и влияние на него римо-византийского процессуального права. Казань, 1900. С. 52-56, 59, 61, 63, 93, 94.

¹¹ *Преподобный Ефрем Сирий.* Толкование на Четвероевангелие. С.122.

последними» (Мф.20:16). «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но меж вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий *не для того* пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих» (Мф.20:25-28). И вывод: «Кто из вас меньше всех, *тот* будет велик» (Лк.9:48).

Сказанное самым непосредственным образом отражается на характере властных отношений в церковном обществе. Власть в Церкви, конечно, существует уже с первых дней ее создания. Однако она дана церковной иерархии не для властвования и господства над человеком, а для помощи павшим, *для любви*. Апостол Павел говорит, что свобода, в том числе и свобода властвования, не должна стать *соблазном* для немощных (1 Кор.8:9). И власть, данная священноначалию, не должна быть использована для смущения или уничтожения человека и умаления его свободы. Ее предназначение - *помогать* человеку, поддерживать его в минуту соблазна или тягот. Ведь перед иерархией – не подданный, не гражданин, а *человек Христов*, созданный по Его образу и подобию, сын Бога.

Ученики Христа продемонстрировали первый и самый важный пример на сей счет, говоря: имея власть, «мы не пользовались ею, но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову» (1 Кор.9:12). *Истинная власть* в Церкви принадлежит тому, кто накормит голодного, оденет нагого, посетит больного, напоит жаждущего (Мф.25:35-46). Потому апостол Иаков повторяет вслед за своим Братом по отцу: «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (Иак. 1:27). Если епископат является преемником святых Апостолов, то *к кому* обращены эти слова, если не к нему?! И какой пример для подражания здесь более уместен, чем этот?!

Поэтому только и стал возможным поразительный феномен (едва ли мыслимый в государстве), что в эпоху вселенских ересей не обладающие формальным административным статусом монахи и отдельные епископы (преподобный Максим Исповедник, св. Афанасий Великий, преподобный Феодор Студит и многие другие) *в одиночку* противостояли велениям пребывающего в ереси и заблуждениях епископата. Церковь приняла *их* мнение как истинное, вопреки решению официальной церковной иерархии, потому что *им* Бог дал *власть* над умами и душами людей, Он говорил *их* устами.

Преподобный Сергей Радонежский, игумен *одного из* монастырей, закрывал храмы в городах, препятствующих процессу собирания русского народа в единое политическое тело¹². Но и сторонящиеся Москвы местные князья, и вся Русская церковь – все знали, что его действия праведны, что он

¹²«Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца». Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С.187.

действует, как *власть имеющий* (Мф.7:29). А потому подчинялись ему...

IV.

В Церкви нет ничего случайного, все таковое исчезает в бесконечности, столкнувшись с Истиной и безграничной любовью Бога, пришедшего на землю, чтобы быть распятым за человека. Нет сомнений в том, что все наши заблуждения, все наши ошибки будут преодолены Христовой Любовью. Что, впрочем, не отрицает огромного вреда той практики, которая *делит* Тело Христово на пастырей и овец, полагая при этом, что единственный способ «овцам» спастись – быть послушным тестом в руках «спасителей».

Не говоря уже о том, что *такое* понимание Тела Христова не имеет ничего общего с христианским вероучением и преданием, получается, что Христос пришел спасать лишь «избранных», а уж они, как Великий инквизитор Ф.М. Достоевского, «поправят» Его подвиг и замыслы. Очевидно, ни о какой свободе человека говорить в этом случае не приходится. Максимум, что христианин может и должен сделать – поверить священноначалию и исполнять *его* волю, но не Христа, Который, как «выясняется», напрямую ни к кому из нас обратиться не может.

При *таком* видении Церкви сам собой отпадает вопрос и о духовном просвещении, которое хотя иногда и прорезывалось ранее молниями ересей (и иногда весьма тяжелых и масштабных), но зато в интеллектуальных и духовных борениях открывало христианам истину. Не было бы арианской, монофизитской, монофелитской ересей, Церковь бы не смогла познать тайну Божества Христа и Его Человечества. При отсутствии соответствующего образования ереси, быть может, и не возникнут, но и уверовать в «Бога неведомого», непознанного, человеку будет невозможно. Однако христианин должен не только затвердить *механически* наизусть Символ Веры, но и *понимать*, о чем идет речь. Не просто знать Молитву Господню, но и следовать Его примеру. Сопереживая Литургию и подходя к Чаше, со страхом и благоговением отдавать себе отчет в том, что он сочетается Христу. Но разве это возможно, если для человека вся церковная служба – лишь внешний обряд, молитва равная заговору, причастие – просто привычка?

Самое печальное заключается в том, что все «жертвы» папизма – *напрасны*. Именно в условиях «административной» Церкви nepoтизм, симония и «мерзость запустения» расцветают пышным цветом. Ведь это – неизбежное следствие порядка, при котором с годами «Церковь-государство» все меньше и меньше напоминает Тело Христово, и все более – политический союз. Она обзаводится своей, церковной бюрократией, определяет собственные задачи и приоритеты, ведет свою дипломатию. Таким чуждым Евангельской проповеди способом Церковь *выделяет* себя из общества, отклоняя все попытки свободных и интеллектуальных людей войти в нее. Иерархия вовсе не расположена в системной, широкомасштабной проповеди, в которой просто не видит смысла – ей нужен *послушный исполнитель* ее воли и «спонсор» церковных проектов.

Разумеется, эти духовные «экзерсисы» не проходят даром. Как давно подмечено, папизм «вбирает, всасывает в себя всю священность Церкви: власть как «священную власть» - управлять, вести, администрировать и т.д., власть совершать таинства, вообще всякую власть как «власть, мне данную». Папизм все священное отделяет от мирян: иконостас, причастие (только по разрешению), богословие, и по факту отрицает Церковь как Тело Христово, ибо в теле – все органы однородны и разнятся друг от друга *по функции*, а не по естеству». Чем больше Церковь «клерикализуется», тем больше она обмирщается, духовно подчиняет себя «миру сему»¹³.

Не свободна, увы, от этих тенденций и Русская церковь. Более 100 лет назад К.Н. Леонтьев писал: «Религия православная в России держится только нашими искренними личными чувствами, а церковное устройство вовсе не таково, чтобы могло усиливать и утверждать эти личные чувства. Я чаще прежнего сомневаюсь в религиозной культурной будущности России»¹⁴. Но многое ли изменилось с тех пор?

Мы привыкли кивать в сторону далекой старины, читая Евангельские строки: «Любят председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящим войти не допускаете» (Мф.23:6,7,13). «Всякий, унижающий себя, возвысится» (Мф.23:12). Но если Христа *сегодня* выгоняют из Церкви, то, стало быть, Ему должно *вновь* пострадать от старейшин и первосвященников и быть убитым (Мф.16:21)?

V.

То, что человек не получит в Церкви, ему не даст *никто*, в первую очередь, осознание собственного достоинства. Причем, этот тезис относится не только к отдельным лицам, но и к социальному существованию человека. Если свобода видится в максимальной реализации человеческого своеволия, отождествляется со «свободой греха», если закон утрачивает свою нравственную, духовную основу, если, наконец, все межличностные отношения обуславливаются исключительно материальными мотивами и целями, не только Церковь сводится на периферию общественной и личной жизни; *рушится государство*.

Ради какой высшей цели человек готов пожертвовать собой, если для него выше себя ничего не существует?! Вера в истинного Бога замещается формальным обрядом, который «успешно» заменяет вероучение, пытливость ума и сердца, богопознание. Если человек далек от Христа, то личностью он стать не может, он – *индивид*, борющийся за свое выживание. Нет Бога – нет и

¹³Шмеман Александр, протопресвитер. Дневники. 1973-1983 гг. Вторник, 2 февраля 1982 г. Сретение. С.608.

¹⁴Леонтьев К.Н. Письмо К.А. Губастову. 17 августа 1889 г. Оптина пустынь//Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854-891. СПб., 1993. С.469-471.

смирения, а без смирения невозможно прощение брата своего, которого надлежит прощать до «седмижды семидесяти раз» (Мф.18:22).

В результате, этот атомизм случайных волей и желаний держится только за счет жесткого, *тотального* административного подчинения «сверху»; «вольница» смиряется «железной рукавицей». В конце концов, какое-то подобие порядка – государственного, церковного – образуется. Но он, основанный не на любви и примере Христа, а на силе и власти одной группы людей над другими, не способен создать личность и резко отрицательно относится к свободе человека, с которой связывает просвещение и вообще любую «самость». Разумеется, и закон, сохраняющий, защищающий такой строй, утрачивает какое-либо обаяние в глазах человека; он мыслится исключительно как средство обеспечения интересов «избранных», утрачивает свою божественную основу.

К несчастью, в силу недостатков нашего церковного быта, в России сила закона и, как следствие, своеобразие нашего правосознания, обусловлены не тем, что он в глазах русского человека является олицетворением справедливости (при довольно многочисленных «позитивных» поговорках о законе у нас присутствует не меньше других, вроде «закон что дышло...»), а *проявлением власти*, ее эманацией. Закону подчиняются не потому, что он справедлив, морален или прав, а потому что неповиновение закону, неисполнение его, *наказуемо* этой самой властью.

Вообще, говоря объективно, власть – элемент, играющий в истории и в сознании русского человека *доминирующую роль*. Государство для нас не *res publica*, а *символ власти*. Право – не справедливость, а проявление власти. Церковь – не милосердие, не общество братьев и сестер во Христе, а *иерархия*: патриарх, епископ, священник. Личность признается таковой не в силу ее божественного подобия, а лишь потому и тогда, когда человек *имеет власть*, неважно какую – политическую, власть отца семейства или другую. В результате не о воцерковлении, не о спасении души, а *о приобщении к власти* мечтает русский человек, живущий вне Церкви. Было бы странно, если бы при таком жестоком перекосе остальные отношения носили бы у нас гармоничный и естественный характер.

Каким набатом звучат на этом фоне слова святителя Филарета (Дроздова) о должном поведении власть имеющих и подчиненных им людей! С одной стороны, Святитель говорил: «Боюсь человека, который замечен не мирным к начальнику. Хотя причина сего иногда может быть и в начальнике, но сыны мира и с немирным начальником умеют охранять свой мир в терпении». И вместе с тем: «Истинная обязанность начальствующего не в том состоит, чтобы с завязанными глазами ходить между подчиненными, а в том, чтобы, узнав претыкание брата, не думать, что мы лучше его. Начальник должен быть выше оскорблений подчиненных и вступаться за правду, порядок, за спокойствие других, а не за себя. И в строгости остеречься надо, да не преломится сокрушенная трость»¹⁵.

¹⁵Святитель Филарет (Дроздов). Сборник мыслей и изречений митрополита Московского

Ему вторил и К.Н. Леонтьев: «Я всегда говорю: «Учреждения пусть будут суровы; человек должен быть добр». Вот христианство. Суровые нравственные законы, смягченные личным христианством и тонкой образованностью высших классов – вот мой идеал для России. И больше ничего!»¹⁶.

* * * *

...Без Бога, нашего Творца и Создателя, нет и не может быть человека; он *деградирует* до уровня животного, более опасного других зверей тем, что способен мыслить. Бог хочет свободной любви, желает, чтобы человек нашел себя в жертвенном акте передачи Ему своей свободы. Сделав это, человек станет *причастным* Христу, будет жить с Ним Его бытием, обожится. Но чтобы совершить это великое и величественное действие, преобразующее всю Вселенную, весь Космос, человек должен для начала эту *свободу иметь*...

Филарета, извлеченных из переписки с разными лицами// Творения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1994. С.350, 351.

¹⁶Леонтьев К.Н. «Письмо И.И. Фуделю. 9 марта 1889 г. Оптина пустынь» //Леонтьев К.Н. избранные письма 1854-1891. С.427, 428.